

Осень одна тысяча восемьсот шестьдесят второго года выдалась дождливой и холодной. Уже в начале сентября, едва успели собрать урожай с полей, как небосвод затянуло свинцовыми тучами, и начались затяжные дожди, превратив вскоре почву в грязно-серую непроходимую жижу.

Ехавшая из уездного города повозка, едва свернув с почтового тракта на проселочную дорогу, увязла в грязи, и тащившая ее молодая кобыла тяжело задыхалась и сбавила ход. Сидевший на козлах старый извозчик слегка и беззлобно подстегнул ее вожжами. «Но-о-о, пошла-а-а, пошла-а-а!» — понукал он, потрясая большой лопатобразной бородой, и лошадь, выдавливая копытами раскисшую земляную кашу, отфыркиваясь и хрипя, начала с еще большим усердием тащить повозку, с каждым шагом кивая от натуги головой. Вскоре, оставив позади себя размякшие от воды поля, овраги и балки, повозка въехала в раскинувшееся за перелеском небольшое сельцо и, промчавшись мимо крестьянских изб, крытых соломой сараев и амбаров, мимо покосившихся изгородей, остановилась у избы волостного старшины. Ямщик повернулся к сидевшему в повозке средних лет мужчине с чисто выбритым подбородком и аккуратными усиками.

— Здесь, господин почтмейстер,— указал он кнутовищем на избу.

Мужчина сошел с повозки и, прижимая к груди небольшой портфель, направился к дому. Не обращая никакого внимания на лающую на него собаку, он поднялся по ступенькам на крыльцо дома и постучал в дверь.

— Кто там? — послышался из-за двери простуженный мужской голос.

— Почтовая корреспонденция,— прокричал через дверь почтмейстер.

За дверью загремели засовом, и дверь со скрипом отворилась. На крыльцо вышел лет семидесяти крестьянин с огромной до пояса бородой.

— Чего надобно, мил человек? — спросил он.

— Волостной старшина мне нужен,— ответил приехавший.

— Стало быть, я и есть волостной старшина,— кивнул головой крестьянин.

— Не врешь? — недоверчиво спросил почтмейстер, сощурился глаза.

— Чай не псина я какая, чтобы брехать. У меня, стало быть, и документ от земского начальства имеется, проходи, считаешь, набось грамошный,— проговорил крестьянин, пропуская приехавшего гостя в дом.

Почтмейстер вошел, снял синюю форменную с кокардой фуражку, огляделся по

сторонам, ища взглядом вешалку, но не увидев ее, положил фуражку на стоявшую у печи длинную скамейку.

— Вот гляди — документ от земского начальника. Тута писано, что я самый и есть — волостной старшина. Тута на ей все, как и полагается, и рукоприложение самого земского начальника и печатка его имеется, — не без гордости в голосе произнес старшина, протягивая гостю лист бумаги. — По какому же делу прибыть изволили, господин почтарь? Не по полицейскому ли?

— По военному ведомству требование для тебя имеется, — произнес приехавший, ставя на стол портфель и доставая из него пакет из твердого серого картона с сургучной на нем печатью.

— Нужлижь опять война приключилась?! — испуганно спросил старшина, понизив голос.

— Типун тебе на язык! — в сердцах произнес гость. — Рекрутов будешь из деревень собирать по набору военному.

— Слава тебе, Боже наш! — облегченно вздохнул старшина, а то я ужо подумал, не иначе как опять с турком драться надоть. — Матрона! — позвал он жену, и из-за натянутой вдоль комнаты шторы вышла небольшого роста покрытая платком полноватая женщина и стала перед мужем. — Поди, растопи огонь в печи и поставь кипятку, — приказал он ей, — господин почтарь озяб с дороги, надоть его горячим чайком напоить, — но та продолжала стоять, с любопытством рассматривая гостя. — Иди же, сказал тебе! — прикрикнул он на жену, и та, потупив в пол взгляд, направилась к печке. — Вот глупая баба, только глазами бы ей полупить и ничего не делать. Всюду глаз да глаз нужен. А затем вновь повернулся к приехавшему. — Как звать-величать?

— Александром Васильевичем, — ответил гость.

— Ляксашка, стало быть, как царя нашего! — улыбнулся старшина. — А меня Тимофеем кличут.

Волостной старшина Тимофей Евграфович Михайлов был из местных вольноотпущенных крестьян. Отслужив двадцать пять лет в армии в должности денщика батальонного командира, он закончил службу в звании унтер-офицера пехотного полка и, несмотря на уговоры его батальонного командира, дворянина, который тоже увольнялся со службы, поехать с ним в его имение и стать его дворовым человеком, не согласился.

— Помилуйте меня, господин подполковник, домой меня тянет, в родные места, там и матушка моя с батькой схоронены, и деды мои. Отпусти, вашбродь, я вам верою и правдою служил, и еще послужил бы, кабы не конец службе моей. Таперча меня шибко в мою родную деревню тянет. Так тянет, что иногда аж в груди ломотит. Пришла, стало быть, моя пора домой возвращаться к родни моею, а у вас и без меня своей дворни хватает. Отпусти, дорогой мой, Сергей Иваныч, — Тимофей встал перед батальонным командиром на колени. — Отпусти, отец родной!

— Что ты, Тимофей, голубчик, разве же так можно, встань немедля, — подбежал к Тимофею подполковник и, схватив его подмышки, рывком поднял на ноги. — Ты же меня раненого под пулями от турок на себе уносил, это же я перед тобою на коленках ползать должен, а не ты, — подполковник взглянул Тимофею в глаза, они были полны слез. Тимофей плакал беззвучно, по-мужски — одними глазами. — Полноте тебе, Тимофеюшка, голубчик, полноте, негоже нам, солдатам, слезы лить, чай не бабы мы с тобою, — проговорил батальонный командир, отворачивая от старого служакки и свои повлажневшие глаза. — Видать, расходятся наши с тобою пути-дороги. Ты был хорошим солдатом и денщиком был хорошим, привык я к тебе, Тимофеюшка, столько-то лет вместе все беды и радости делили. А ежели и обидел когда, не поми-

най лихом, видит Бог, не со зла то было, а в сердцах. И знай наперед, ежели что не срастется у тебя там, в деревне твоей, приезжай ко мне, где находится мое имение, знаешь, приму как родного. Отпиши только мне на бумаге, авось грамоте обучен, а я сам тебе помогу с переездом ко мне. Ну, брат, давай обнимемся, что ли, на прощание.

Вернувшись в родное село, Тимофей привез с собой жену и троих детей. Всего же у него было пятеро детей. Старший сын Аким служил унтер-офицером в крепости «Верная», что в азиатских краях стоит на пересечении шелковых путей, не пропуская из Китая и Афганистана караваны различных имамов, шейхов и беков, навьюченных запрещенным товаром, а средний Дмитрий остался служить солдатом в том же пехотном полку, где служил и сам Тимофей. Младший, названный в честь отца Тимофеем, вскоре по приезду женился на дворовой девке местного помещика и ушел в батраки, работая от зари до зари на помещичьих земельных угодьях. Выдав со временем замуж младших своих дочерей — Домну и Варвару, стал Тимофей доживать свой век с женой. Увидев в отставном унтере степенного и хозяйственного мужика, к тому же знающему грамоту, сельское общество на очередной сходке предложило ему стать исполняющим делами волостного старшины, взамен заболевшего по старости девяностолетнего вольноотпущенного крестьянина Тита Гордеевича Михайлова, родного дяди Тимофея по отцовской линии. После того, как Тимофей был утвержден в должности земским волостным начальником, Тит Гордеевич передал племяннику волостные дела и отдал ему печать, а сам, будучи человеком набожным, уехал в близлежащий монастырь, где исповедовался своему духовнику — отцу Пимену, причастился, поборолся и, вернувшись домой, спокойно во сне отошел в мир иной.

Стоявший на печи самовар запыхтел, и Матрона, обхватив его фартуком, поставила на стол.

— Закуску на стол накрой, глупая баба, и литровку достань, нужлишь мы один чай пить будем? — недовольно проговорил Тимофей, исподлобья глядя на жену. — Да выйди на улицу и клинки извозчика, пушай тоже малость согреться, что же он там под дождем зябнет, — приказал он жене после того, как она выставила на стол бутылку с белой мутной жидкостью.

Запустив в избу холодный сырой воздух, вошел ямщик.

— Мир дому сему, — с порога проговорил он, потопав грязными сапогами и снимая с себя мокрую накидку, а затем пригладил рукой волосы и мокрую черную бороду.

— Милости прошу за стол, — пригласил его Тимофей. — Как звать-величать?

— Игнатом, — ответил ямщик, — затем, помолвившись на образа, сел на краешек скамьи и, взглянув на хлопотавшую у стола Матрону, смущенно отвел взгляд в сторону, покряхтел и убрал под стол огромные ручки.

— Стало быть, по рекрутскому набору пожаловать изволили, господин почтарь? — похрустывая соленым огурцом после выпитой стопки завел разговор Тимофей.

— Да, распоряжение для тебя имеется от уездного рекрутского старосты, о проведении очередного рекрутского набора, — ответил тот.

— А чего же самолично пожаловать изволили, а не прислали распоряжение по почте, как бывало раньше?

— Велено так. Нарочным сказали доставить с распискою о получении письма.

— Понятно, стало быть, — произнес Тимофей и вновь потянулся к бутылке.

— А скажите мне, Ляксандр Василич, ежели енто не секретное дело, давно ли на почтовой службе состоите? — вновь задал вопрос уже слегка захмелевший Тимофей.

— Лет семь, как состою, — ответил почтовик. — А что спросил, так или что иное смущает во мне?

— Нет, нет, упаси Бог, ничего худого, ваше благородие, не извольте подумать.

Так спросил, из-за любознательности,— замахаля руками Тимофей и вновь потянулся к литровке.

— С меня достаточно,— проговорил почтовый служащий и прикрыл стопку белой, не знающей грязной работы ладонью.— Достаточно,— повторил он.

— Ну, а мы с Гнатом еще выпьем,— сказал Тимофей, обращаясь к извозчику.

— Почему же не выпить? Можно и выпить,— кивнул тот головой и взял в руки стопку. Затем повернувшись к иконе, вновь перекрестился и залпом выпил. Крякнув, взял из миски щепотку квашеной капусты и, запрокинув голову, положил ее к себе в рот. С хрустом стал жевать, роняя с мокрых губ остатки на стол.

— А что, Гнат, хорошее ли жалование получают нынче извозчики на почтовой службе?

— Слава Богу, на жизнь хватает. Вот когда я в губернии извозничал, то получал меньше. Есть седики, али их нету, все одно — хозяину три рубля в месяц отдай. Стало быть, сколько навозишь господ, столько и получишь. Сколько получишь, столько и поешь, а то иной раз и в питейный дом не сходишь, неначто. Таперча на почтовой службе в ямщиках оно лучше. Таперча жалование дают. Бывало, что и кобылу с конюшни не выводил, а жалование оно все же положено. Вот тебе, Гнаша, жалование твое положенное. Ни много ни мало, а два рублика получи,— начал рассказывать о своей службе опьяневший Игнат, с удовольствием пережевывая капусту.— Давай, что ли, Тимофей, еще винца-то влей, а то чавайто я никак не согреюсь.

— Может, хватит тебе уже, Игнат Протасыч? И так пьян уже сидишь. Забыл совсем, как зимою спяна сани опрокинул и чуть было не замерз в сугробе,— недовольно проговорил Александр Васильевич.

— Да что ты, барин?! Я еще тверезай совсем. Даже не согрелся как следоваить. Как перед Богом говорю, тверезай,— повернувшись к почтовому служащему, проговорил Игнат, и в подтверждение своих слов перекрестился.— Вот те крест, тверезай.

Однако Тимофей и сам уже заметил, что Игнат изрядно опьянел, а потому решил трапезу заканчивать.

— Ну, что же, давайте это ваше распоряжение, а я руку приложу,— произнес он и, встав из-за стола, полез в верхний ящик комода, где он хранил печать волостного старшины.

Получив предписание, Тимофей расписался в толстой книге, которую ему дал для росписи почтмейстер, а затем долго дышал на печать, после чего аккуратно приложил ее к своей подписи.

Почтмейстер закрыл книгу и убрал ее в портфель, затем надел фуражку.

— Честь имею! — сказал он и, взяв под козырек, направился к выходу.— Пошли, Игнат, хватит трапезничать, нам с тобою еще несколько сел объехать надо,— сказал он, поторапливая извозчика, увидев, что тот продолжает сидеть за столом.

— Иду, вашбродь, иду,— закивал тот головой, продолжая жевать.— Будь здрав, Тимофей, и ты, Матрона, будь здрава, храни вас Бог,— поклонился он хозяевам и направился к выходу.

— Ангела-хранителя и вам в дорогу,— проговорил Тимофей, провожая гостей. А когда они ушли, он засобирался.

— Ты куда это собираешься-то? — спросила у него Матрона.

— В волость поеду, в правление, по важному государевому делу! Вот так-то! — ответил Тимофей, подняв вверх указательный палец.

